

Предисловие

В цепи таинственных событий
И ты, и я, и мокрый сад.
И солнца золотые нити
В смолистой пропасти парят.
В плену загадочных явлений
Листвы бунтующая дрожь
В янтарные сольется тени:
Где ты, где я — не разберешь.
Звонят цветущие просторы
В хрустальной капле тишины,
Где ты и я, и очень скоро —
Зеркальный поворот Луны.

А. Береговой

I. Улыбка
плюшевого будды

Содержание цикла:

Тимофей Сергейцев 9

Евгений Гольцов 26

Алексей Береговой 47

Игорь Пузырёв 58

Алексей Лукашенко 83

Л. Ленц 96

Татьяна Воронова 130

Сергей Грызлов 151

Тимофей Сергейцев

г. Москва

Родился в Челябинске. Выпускник МФТИ (1986) и Российской правовой академии Минюста РФ (2013). Советник в области политики и права. Лауреат национальной литературной премии «Поэт года» в номинации «Выбор издательства» за 2014 год. Сценарист и продюсер художественного фильма «Матч», Режун-Синема (2012) — о футбольном «матче смерти» в 1942 г. в Киеве (приз международного фестиваля фильмов о футболе CINEfoot).

Публикации: «Мой сад» (2016), «Судьба империи: русский взгляд на европейскую цивилизацию» (2016), «Мировой кризис: Восток и Запад в новом веке» (2017), АЖЛ «До горизонта и обратно» (2017), «Идеология русской государственности» (2020).

Из интервью с автором:

Эту подборку автор посвящает памяти трех своих друзей-поэтов: Николая Восенга Оганесова, Руслана Эргара Гарбузова и Влада Из Бургоса Пенькова, покинувших Землю в 2019 и 2020 годах.

Открывая шкаф

Носите старые одежды,
Забывтый всеми макинтош —
Как поручительство надежды,
Что слух по-прежнему хорош,
Что дух силен и остр разум,
Что сердце видит все насквозь,
Что мы способны вместе, разом
Намного более, чем врозь.

Носите старые ботинки
Как память пройденных дорог,
Чтоб легким шагом, без запинки
Переступить любой порог,
Где любят нас и жаждут видеть,
А если нужно уходить —
То не цепляясь за обиды,
За мысли: «что там впереди?»

Носите, джентльмены, шляпы —
Их не заменит нам ничто,
Без шляп мы не годимся в папы,
А жизнь без пап — совсем не то.
И галстук-бабочка уместен —
Ведь он не ниспадает в суп;
Да просто галстук, если честно,
Тому поможет, кто не глуп.

Носите и несите судьбы,
Что нам оставили отцы:
Им всем кресты еще на грудь бы,
Страну водившим под уздцы;
Но звезды, звезды на могилах,
На башнях, крыльях и плечах,
И в этих звездах — наша сила
И недругов животный страх.

Открытое море

Богини с телом Рифеншталь
Скользят в глубинах океана.
Нежна их кожа, словно сталь,
Сердца — зияющая рана.

Пожалуй, мне бы было жаль
Вас отпустить — почти нагую —
На Ваш подводный фестиваль.
Жаль, что я солнцем не торгую.

Жаль, что русалок чешую
Глощает море, как монеты...
И жаль, что я не знаю, где ты,
Когда перед тобой стою.

На южном севере

На южном севере нежарко по утрам.
Сквозняк приносит сырость и разлуку,
и свежий холод из открытых рам,
и темную листву, и сон мне в руку.

Привычен нам июньский уют,
когда надолго запоздает лето,
и звезды — умирающий салют —
не могут выбрать правильного цвета.

И серый город с медленной рекой
под хмурым небом ежится в ознобе.
А ты, прижавшись к облаку щекой,
не думаешь о теплом гардеробе.

Элегия

Как холодны ноябрьские аллеи...
Судьбой отца сквозит стальная даль.
Молчи, как прежде, белая лилея.
Не расцветай, ван-гоговский миндаль.

Беря в расчет и знаки, и намеки,
На перемены ставя невпопад,
Добрейший ангел перепутал сроки
И, не посеяв, выкорчевал сад.

Когда растает едкий дым сражений
И возвратится невозможный мир,
Мой alter ego, добрый друг и гений,
Последнее продав, закатит пир.

Я брошу в нашу складчину немного.
Но все, что есть. И более того.
Веди меня, вечерняя дорога,
Осенним полем сердца моего.

Конец дождя

Не за славу мирскую
и посмертную блажь
я рассветов взыскую
и закатов гуашь.

Акварельное небо
расплывется дождем.
Мы со встречи на Эльбе
продолжения ждем

под мечами дамоклов,
на обрывах судеб —
участь наша промокла
и раскисла, как хлеб.

Тучи, рваные тучи,
рваный лист на станке.
Холодочек ползучий
сжат в моем кулаке.

Кто-то ходит над лесом
и вершины ершит,
и капелью отвесной
воздух насквозь прошит,

и в далеких просветах
на окраинах дня
сквозь сплетения веток
луч встречает меня.

Сердце июня

Дни покатались назад.
Сердце июня трепещет.
Отгромычала гроза.
Стали волшебными вещи.

Лето долиной лежит
перед глазами июня.
Тают его миражи.
Голос теряется юный.

Я виноват, как всегда,
Что не услышал призыва.
Тихо мерцает звезда.
И улыбается ива.

Ковер

Я покупаю восточный ковер —
Хитросплетение множества жизней.
Будьте, глаза, как принцессы, капризны.
Сердце, смелее. Мой дух, будь остер.

Я выбираю персидский ковер.
Где-то в чужом и далеком Иране,
Слушая суры святого Корана,
Опытный мастер разводит костер

Красок подземных и красок небесных.
Вяжется за узелком узелок.
Годы пройдут и исполнится срок,
Сложится жизнь и закончится песня.

Это ковер выбирает меня.
Душу мою покупает и платит
Звонкой монетой. И новое платье
Просит душа для грядущего дня.

Этот ковер — он и детям, и внукам
Будет нашептывать сказку мою.
Ту, что уже потихоньку пою,
Стоя в саду остановленных звуков.

Рождение

Кого спасти — ребенка или мать?
Господь, спасешь Рубцова Николая?
Усталый доктор сядет на кровать.
Да не ложится. И не засыпает.

Стущенье гроз перечеркнет июнь
Косым дождем, и в нем не будет снега.
Вот так внезапно снова станешь юн,
Не ощущая горечи побега.

От прядей тонких, слипшихся волос
На жаркий лоб прольется струйка пота.
Но жизнь решит поставленный вопрос,
Поскольку в том и есть ее работа.

А день расправит света полотно
Над всей деревней, над рекой и пашней,
Чтоб переполнить детское окно
И незаметно сделаться вчерашним.

Не совсем по Шекспиру

На высокое небо апреля,
На весенний немислимый день
Променяйте стремление к цели
И познания бледную тень.

Почки липы готовы взорваться
Юным клейким зеленым листом.
Вы бессмертны, когда вам пятнадцать.
И неважно, что будет потом.

Не прервется дыханье Джульетты.
Не погаснет ее поцелуй.
Что бы там ни твердили поэты,
Смерть влюбленным совсем не к лицу.

А когда все пройдет и очнетесь
В совершенно иных временах,
То споете, что нету, мол, *тети* —
И не надо в житейских волнах.

Лабиринт

Плыла звезда, как поплавок,
В Неве качаясь.
Темней Невы ночей глоток,
В нем лед и ярость.

А в самом сердце темноты,
Судьбы и ночи
И есть убежище мечты
И веры прочей.

Когда закованы в гранит
Любви пределы,
То кто все это объяснит?
Возможно, Белый.

Закоренелый акмеист,
Увы, бессилен
Понять, насколько же змеист
Рисунок линий,

Где параллельные идут,
Пересекаясь.
Где статуи в ночном саду
Грешат, не каюсь.

Где полдень есть всего лишь тень
От белой ночи.
И чем длиннее будет день,
Тем жизнь короче.

Роман

Начальствуй, роза Петербурга.
Склоняю голову свою.
Покорный воле демиурга,
Солдат обязан пасть в бою.

Перед пунцовыми щеками.
Фарфором шеи. Льдами глаз.
Нехай запишет Мураками
Вранья историю про нас.

Не ждите и страницы сути.
Важней читательский успех.
С ним город, где воспитан Путин,
Сойдет за рыцарский доспех.

Но нам твердыня Ленинграда —
Сама пуховая постель.
Слов неразгаданных шарада.
В игрушках праздничная ель.

Рассвет у Беранже и Вольфа.
Плывущие над Зимним сны.
Когтей безумного Адольфа
Следы на панцире стены.

И дева — нет, не Галатей,
А та, с форштевня корабля, —
Летит по улицам, хмелея,
Все меньше слушаясь руля.

Ледоход

От геометрий битых льдин
трещат учебники раскола.
Что нам сулят семья и школа?
Зачем вообще быть молодым?

В Неве и днем сокрыта ночь.
Колонны, строгие, как фраки,
любовь предпочитают бракам —
слепое сердце лгать не прочь.

Тут девы холодны как лед.
Не тают, но горят и плачут.
И, облегчая им задачу,
здесь ангелы стреляют влет.

Так, жить учась по чертежам,
парадом выстроив фасады
во всех цветах губной помады,
мой Город жаждет мятежа.

Отпуск

Минареты кипарисов что-то знают по-татарски.
Словно фрукт бахчисарайский, солнце по небу плывет.
Если кто и огорчился, что Таврида стала царской,
То не тот, кто сам из прайда, сам из русских, сам из львят.

Белоснежный Севастополь морем смыл остатки крови.
Чистой свежеею повязкой наши раны он хранит.
И когда обнимут ветры равелина торс суровый,
Им в ответ со дна сигналият боевые корабли.

Эти камушки Массандры горячее самоцветов.
Присмотрись, и ты увидишь: в глубине горит вино.
Нам на счастье тут не бродят малабарские циветты,
Не растут табак и кофе, дни не выкрашены хной.

Здесь делили славу мира на троих и без остатка.
И везде картина маслом, а совсем не акварель.
От родителей осталась там забытая палатка.
А когда совсем уедешь — зимних водорослей прель.

Падение Бахчисарая

Я приступом возьму Бахчисарай.
И пусть трепещет окруженье хана —
я завоюю персиковый рай!
Для этого и встану нынче рано.

Надеюсь, что понятен мой намек
на щеки и на... стоп, речь о намеке.
А он так быстро в дело перетек,
что тут пока оставим только щеки.

Такой загар не купишь у татар.
Им сколько ни плати, все будет мало.
Зато в ассортименте есть нектар,
амброзия и что-то с перевала.

Потемкин, архитектор деревень,
наладил мир таврический навечно.
И нам сладка полуденная тень
под солнцем, пышущим
привольно и беспечно.

Южный оракул

Крымское лето лучится
в царской короне июля.
Что напоследок случится?
Белогвардейская пуля?

Или лихая испанка,
бред по мотивам корриды?
Гордая наша осанка
станет судьбою Тавриды.

В Черном рассерженном море
бегством подстегнуты волны.
Станешь ли заново спорить,
чашу терпенья наполнив?

Южнобережной лозою
будут отмечены будни.
Слезы прольются грозой.
Жгучий медузовый студень

вместе с отливом отчалит.
Острые запахи йода
несовместимы с печалью
этого времени года.

Надо бы точно проверить.
Нужно во всем убедиться.
Кошки тут вовсе не серы
и не замучены птицы.

От городского уюта
тают в прибое ошметки.
Памятью давних салютов
звезды нависли над лодкой.

Партенит

1

Вино и сыр, и дым простых жилищ,
и тень вечерняя от жгучих кипарисов —
что мне шуршание бумажных тыщ,
и что тебе — судилище Париса?

Забудемся среди немых забот.
Пустые промыслы оставим финикийцам.
Их подберет случайный пароход,
но пусть доставит не сюда, а в Ниццу.

Когда под море рыли котлован,
нашли и клад — и им и оплатили:
подводных гад, прибрежный ресторан
и воздух с явным привкусом ванили.

Естественна, как речь в кругу мужчин,
нисходит ночь, минуя час собаки, —
утихнет лай, настанут лад и чин,
и все утонет в первозданном мраке.

2

Предпочитаю вечернее солнце
ясному утру и жаркому полдню.
С неба кружок золотого червонца
падает звонко в копилку... Не вспомню

прежних событий, и будущих тоже.
Воздух достиг состоянья муската.
Старый божок с алкогольной рожей
тихо бредет в направлении заката.

Прощай

Июль арбузами набит
и вроде смотрит на восток,
но холодок за вороток
нет-нет да осенью пролит.

Нет-нет да повернет листок
той, серебристой стороной,
и порох вспыхнет между строк,
почти как меж тобой и мной.

Пусть катера идут внахлест,
не поспевая за волной,
а колесо июльских звезд
закручено удачно, но

недосчитаешься одной,
одна — конечно, не беда,
к тому же, что считать звездой? —
да и кому нужна звезда? —

важнее, верно, потолок,
как раньше говорили, кров,
и плов, и в сердце уголек,
за них-то и прольется кровь,

за это и сторит июль,
и не вернуться никогда
в окне на море белый тюль,
богам привычная еда,

и мы, вернувшись, не найдем
своих растаявших следов,
прощай, июль, случайный дом,
но, может, до свиданья, до...

Пирушка

Собрались поэты как-то в осень
Покутить под легкую прохладу.
Что ж, никто за это с них не спросит.
Может, сложат гимн или балладу.

Нервно трепетали мыслей листья,
Лепестки расстроенного чувства.
Что поделать, если собрались мы
На закате древнего искусства.

И один из нас, откинув тогу,
Наливая от души цикуты,
Вдруг увидел дальнюю дорогу
В дальнорский объектив минуты.

А другой уж тем ему ответил,
Что шагнул в межзвездное пространство.
И теперь, как солнце, жгуч и светел,
Согревает северное царство.

Так и разошлись почти под утро.
Нет ни чайки на пустынном пляже.
Весело горела Камасутра.
Не осталось даже пятен сажи.

Не жалейте позабытых песен.
Место их — за пазухой у бога.
Мир телесный скучен, зол и тесен?
Нет, не верьте сплетням демагога.

Мир лежит в ладони у поэта —
Грезами отравленная пуля.
Но судить нас будут не за это
Медленным томлением июля.

Лишь за самые наивные догадки.
Лишь за то, чего уже не будет.
За пустой листок в конце тетрадки.
За улыбку плюшевого будды.

Переселяясь

Переселяясь в деревья,
в запах листвы под дождем,
мы за невидимой дверью
всех остальных переждем.

Времени будет немного —
век, или два, или три.
К морю сбегает дорога
или к чему-то внутри...

Серым подмоченным мелом
черчен морской горизонт.
И остаются без дела
плащ, и калоши, и зонт.

Кто ж теперь носит калоши?
Значит, и прочее — блажь.
Вот запишусь в водоноши,
в общий ведерный кураж.

Наводопею, как роща.
А сквозь меня, вдалеке,
будет и легче, и проще
литься небесной реке.

Гессе

Здравствуйте, старый магистр.
Нынче в лугах Монтаньолы
Пчелы гудят, и регистр
Гуда их сходится в полый

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru